

18+

Сергей Кулаков

В сумраке зеркала

сборник пьес

Сергей Анатольевич Кулаков

В сумраке зеркала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54853990

SelfPub; 2020

Аннотация

Сцена напоминает зеркало, темное зеркало, но как только зажигаются огни, там можно увидеть многие истории, проплывающие перед взором зрителя, причудливыми отражениями. В данном сборнике представлены пьесы различных направлений. Это классическая историческая пьеса, и образец сюрреализма, и две одноактные пьесы, которые можно отнести к постмодернизму (они ещё и внутренне связаны друг с другом, что несомненно, усиливает элемент игры с читателем и зрителем). Закрывает сборник небольшая драматическая зарисовка, выполненная в духе старинного вертепа...

Содержание

КРУГ ДРУЗЕЙ.	4
1	5
2	8
3	11
4	14
5	21
6	25
7	30
8	33
9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

КРУГ ДРУЗЕЙ.

граф Зейлер;

граф Цинцендорф;

граф Розенберг – директор Придворной оперы;

барон Ван Свитен – член Императорского совета;

Антонио Сальери – капельмейстер Придворной оперы;

Франц Солес – советник;

Иозеф Гайдн – композитор;

Висенте Мартин – композитор;

Франц Зюсмайер – композитор;

Вольфганг Моцарт – композитор;

Леопольд Моцарт – его отец;

Констанция Вебер – его супруга;

Лоренцо Да Понте – либреттист;

Ян Кухарж – капельмейстер Пражской оперы;

Розер – капельмейстер;

Эммануил Шиканедер – певец и руководитель театра;

Реджина Стринатакки – скрипачка;

Катарина Кавальери – певица;

Дайнер – трактирщик;

Ляйтгеб – сыроторговец;

Иозефа – служанка;

1-ый могильщик;

2-ой могильщик;

1

1781 год. Богато убранная комната в доме Сальери. Гости Сальери – знатные аристократы Вены.

Сальери: Мюнхенская опера Моцарта и вправду имела успех?

Цинцендорф: Курфюрст пфальский и баварский остался доволен. Он удивлялся, как такие большие мысли могли уместиться в маленькой голове этого Моцарта.

Ван Свитен: Все были в восторге...

Зейлер: Господа, Вы слышали историю, которая произошла между Моцартом и оберкамергером архиепископа Зальцбургского?

Присутствующие говорят, либо показывают, что им ничего не известно.

Зейлер: Как?

Цинцендорф: Что же стряслось?

Зейлер: Моцарт принёс прошение об отставке. Граф знал, что архиепископ зол на музыканта, и резко обошёлся с Моцартом. Мало того, когда тот уходил, граф Арко подскочил и закатил ему пинка.

Сальери: Какое варварство!

Цинцендорф: Нынешние слуги напрашиваются на грубость! Впрочем, Арко – болван.

Ван Свитен: Что же Моцарт?

Зейлер: Пинок – не удар шпагой!

Розенберг: Многие приглашают нынче господина Моцарта...

Ван Свитен: На днях я записался на его академию и в списке был далеко не первым.

В комнату входит слуга, подходит к Сальери, что-то говорит ему.

Сальери: Господа, я позабыл о сюрпризе: моё новое сочинение исполнит госпожа Кавальери, а я попробую скромно аккомпанировать нашей знаменитой певице.

Розенберг: Ах, Сальери, Сальери, как Вы можете говорить о каких-то низких вещах и забыть о музыке?

Все уходят. Остаются Ван Свитен и Зейлер.

Зейлер: Вы видели лицо Сальери, когда Вы, барон, стали нахваливать оперу Моцарта?

Ван Свитен: Думаете, Сальери завидует?

Зейлер: Зачем Сальери завидовать? Успех его музыки у императора и при дворе столь велик, а итальянец так умело пользуется этим успехом, что никто из придворных музыкантов, не может составить конкуренции Сальери, не говоря уже о провинциальном музыканте. Однако, господина итальянца задевает, когда в его присутствии начинают хвалить другого музыканта и, по-человечески, я его понимаю.

Ван Свитен: Моцарта хвалят многие в Вене...

Зейлер: Любовь и ненависть Вены не значат ничего, если

они не рождаются в Гофбурге, а мнение Гофбурга зависит от одного человека! Сальери умеет пользоваться доверием этого человека... Впрочем, с Вашим именем и состоянием, какое Вам дело до Сальери?

Ван Свитен: Граф, мы, кажется, слишком долго беседуем, не истолковали бы наше отсутствие превратно.

Зейлер: Мне приятно убедиться, что Вы умный человек.

Уходят. Где-то вдали раздаются звуки, точно кто-то пробует инструмент. В комнату входит слуга и тушит освещение.

2

Зажигается свет. На кровати подскакивает и садится человек. Он не вполне проснулся и смотрит сонным взглядом в одну точку, затем пытается напеть мелодию, но путается, мотает головой и валится на подушку.

Комната очень бедная. Кажется, что клавесин попал сюда случайно. Повсюду бумаги и одежда. Человек опять садится на кровати, прижав руку ко лбу, задумывается. Пальцы начинают нервно постукивать по лбу, двигаются, сжимаются и разжимаются. Человек напевает мелодию. Теперь он остаётся доволен, поднимается с кровати, босиком идёт к столу. В это время, в завешенную занавеской дверь стучатся.

Женский голос: Господин Моцарт, к Вам пришли.

Моцарт: Кто ещё в такую рань?

В комнату проходит человек в дорожном камзоле, парике, с треугольной шляпой в руках.

Леопольд: Да уж почти полдень, ты заспался, мой мальчик!

Моцарт: Папа!

Бросается к нему. Они стоят, обнявшись.

Леопольд: Как ты живёшь, Ворфель?

Моцарт: Замечательно, папа! Я не имею ни одного спо-

койного часа, а потому и вставать пораньше не могу. Да ведь, в любое время и не будешь расположен к работе. Что Вы стоите, садитесь туда, к столу. Я только переоденусь, чтобы не смущать Вас своим нарядом (*заходит за ширмочку*). Что говорят о моей мюнхенской опере в Зальцбурге?

Леопольд: Люди понимающие, хвалят её, и я доверяю им. Те, кто думает, что понимает, говорят, что опера неплоха, но в ней есть погрешности – обычный приём дилетантов, которым нужно найти недостатки, чтобы их приняли за знатоков. При дворе архиепископа об опере никто слышать не хочет – Колоредо запретил упоминать о тебе... если ты не расскаешься. (*Ненадолго замолкает*) Подумай обо мне, о сестре, подумай о себе. Отбрось свою гордость, и всё будет как прежде.

Моцарт: (*выходит щёголем*) Как прежде? После того, что они со мной сделали? Я чуть не умер от стыда, от бессилия что-либо сделать. Три дня у меня была нервная горячка, а подлец Арко хвалился всюду своим подвигом... Вы предлагаете вновь слышать оскорбления и чудовищные глупости? Нет, мне нужна свобода!

Леопольд: Куда завела тебя свобода? Ты живёшь, как нищий.

Моцарт: Деньги – дело наживное. У нас иное богатство, которое живёт и умирает вместе с нами и отнять его никто не может, разве только лишит головы, но тогда, ни в чем и нужды не будет.

Леопольд: Быть может, я лучше понимаю тебя, чем мне

хотелось бы...

Моцарт: К чему эта меланхолия? Послушайте...

Подбегает к клавесину и играет мелодию, что напевал утром. Мелодия обрывается, и Моцарт озорно мяукает.

Леопольд: Играй ещё.

Моцарт: Это всё.

Леопольд: Что это за музыка?

Моцарт: Она мне приснилась. А неплохо! Надо запомнить, может потом пригодится.

Леопольд: Ты не станешь записывать?

Моцарт: Это ни к чему! Она осталась здесь (показывает на голову).

Моцарт импровизирует на губах военный марш, марширует и надевает парик.

Моцарт: У меня возникла великолепная мысль. Пойдёмте в один отличный трактир и отметим Ваше прибытие в столицу!

Леопольд: Мне нужно переодеться.

Моцарт: Да Вы будете щёголем! Там есть маленькая зала, где никто не будет мешать.

Леопольд: Ты решительно не хочешь взрослеть, Вольфи.

Моцарт: К чему? Это скучно! (опять начинает маршировать) Я расскажу Вам о Баварии, где научился этим танцам.

Леопольд смеётся. Они берут шляпы и выходят из комнаты.

3

Небольшая зала в трактире “Серебряный змей”. Стены разрисованы деревьями. За столом сидят Моцарт с отцом. Входит трактирщик, он хромает при ходьбе.

Моцарт: Папа, вот Иосиф-первейший. Куда важнее, чем править людьми, что не всегда бывает приятно, или осязательно, есть забота о насыщении людей, что почти всегда и приятно, и осязательно! Поэтому, в отличие от хорошего правителя, у которого всегда есть враги, хороший трактирщик имеет лишь друзей и поклонников.

Дайнер: Никогда не поймёшь, шутит господин музыкмейстер, или говорит серьёзно.

Моцарт: Я не могу шутить, когда дело доходит до гусиной печёнки! Папа, давайте выпьем за капельмейстера кухонь, за виртуоза жаровен и печей, за Иосифа Дайнера!

Дайнер: Спасибо, господин Моцарт, Вы очень добры. Вы ещё помните про пьесу, которую хотели написать для моей трубы?

Моцарт: Да, пьеса для трубы...

Отворяется дверь. Из другой залы заглядывает небольшой человек.

Человек: (неожиданно говорит густым басом, и Моцарт с любопытством смотрит на него) Эй, трактирщик, можно быстрее?! Мне некогда, я тороплюсь!

Дайнер: Сейчас, сейчас иду.

Человек ворчит и возвращается в большую залу.

Моцарт: Конечно помню. Она готова.

Дайнер: Разве она при Вас?

Моцарт: В моём маленьком, но вместительном ящичке.

Дайнер: У Вас золотая голова, господин музыкмейстер!

Моцарт: Будь она золотой – не родила бы ни единого звука, кроме звона, которым и так полна Вена.

Дайнер: Пожалуй, Вы правы, господин музыкмейстер.
(*выходит в большую залу*)

Моцарт задумывается, шевелит пальцами, слегка раскачивает головой.

Леопольд: Ты написал музыкальную пьесу для трактирщика?

Моцарт кивает головой.

Леопольд: Это немислимо!

Моцарт: Отчего же? Он играет на трубе – я пишу музыку; он попросил – я не могу ему отказать, потому как он добрый человек.

Леопольд: Как он заплатит тебе?

Моцарт: Папа, я не пишу музыку на продажу! Она появляется и начинает мучить, пока я не избавлюсь от неё. Когда её покупают – отлично, а если нет, надо ли горевать? К тому же, Дайнер – мой друг.

Леопольд: Друзья вытащат из тебя всё, что смогут и бросят погибать в одиночестве...

Моцарт: Папа, к чему эти мысли?! *(с досадой)* Нет, не так...

Леопольд: О чём ты?

Моцарт: *(сидит, уставившись в одну точку, слегка двигается голова и кисть руки)* Ага, вот как... *(весело)* Готово!

Леопольд: Ты заблуждаешься в отношении к людям, и мой долг сказать тебе об этом. Я немало повидал в жизни и знаю: люди злы и завистливы, особенно к тем, кто отличается от них талантом. Если ты не станешь осторожнее в выборе друзей, ты плохо кончишь.

Моцарт: Папа, с такими мыслями я не смогу писать, а буду в каждом высматривать злые намерения. Полно о дурном! Нам не удастся избежать его, но мы в силах не обращать на него внимания. Давайте выпьем *(берёт в руки стакан)*, и я пожелаю Вам столько лет жизни, чтобы дожить до поры, когда в музыке ничего нового нельзя будет придумать.

Леопольд: В таком случае, мне придётся жить вечно.

Моцарт: Вам не пришлось бы умереть никогда, если бы дело было только в этом...*(Пьют)*

Комната в доме Франца Солес, после концерта.

Стринатакки: Не могу понять, когда маэстро Моцарт написал свою партию? Вчера к обеду ещё не была готова скрипка... а импровизировать такую сложную партию почти невозможно.

Сальери: Восхитительная синьора Реджина! Умение импровизировать – необходимое свойство виртуозного музыканта. Ведь не удивляемся мы тому, что дышим!

Мартин: Трудно не согласиться с Вашими разумными доводами, маэстро. Остаётся посочувствовать, что господин Моцарт не имеет времени более тщательно прорабатывать свою музыку.

Солес: Позвольте, господа, разве музыка была плоха?

Сальери: Что Вы, господин Солес. Маэстро Мартин огорчён, что у композитора не нашлось времени серьёзней поработать над музыкой. Мы можем лишь угадывать, как она могла быть замечательна...

Солес: Так мы устроены: нам мало того, что имеем, и обязательно подавай лучшего... Позвольте ненадолго оставить Вас, господа, чтобы остальные гости не сочли моё отсутствие за неуважение к ним. (*Уходит*)

Ван Свитен: Маэстро, каково Ваше мнение о новом квартете господина Гайдна, который игрался на неделе у князя

Голицына?

Сальери: Я вижу способы решения музыкальных задач, с такой оригинальностью решаемых Гайдном, в более традиционном ключе.

Мартин: Господа, а я был удивлён погрешностями, которые допустил господин Гайдн в композиционной разработке.

Ван Свитен: Вот как, мне показалось, что квартет был удалён...

Мартин: Господин барон! Там, где слушатель слышит одно, искушённый музыкант – совсем иное, ведь музыка – дело его жизни. Так вот, что огрехи были, скажет любой композитор, но то, что бывает простительно начинающему композитору, не может оправдать такого музыканта, как Гайдн, не правда ли, маэстро Сальери?

Сальери: Я не могу никого осуждать, ибо сам являюсь музыкантом, и вполне могу очутиться в положении господина Гайдна, но все мы люди, а, как известно, *hominis est errore*.

В комнату входят Катарина Кавальери и Констанция Вебер.

Кавальери: Позвольте, господа, представить Вам Констанцию Вебер.

Мартин: Не состоите ли Вы в родстве с Алоизией Вебер, певицей?

Констанца: Это моя сестра. Она вышла замуж за актёра императорского театра, теперь её фамилия Ланге.

Мартин: Да-да, кажется, теперь она больна?

Констанца: Уже поправляется, у неё была простуда.

Стринадакки: Какой ужас! Надеюсь, голос Вашей сестрицы не пострадал?

Констанца: Нет, с голосом ничего не случилось, Алоизия вскоре снова запоёт. Все мы очень переживали за неё, ведь она единственная знаменитость в нашей семье.

Сальери: Вы любите музыку, госпожа Вебер?

Констанца: Мне нравится в ней практическая часть.

Ван Свитен: Практическая часть?

Констанца: Ну да! Музыку должны покупать; если за музыку платят, значит – она хороша.

Мужчины улыбаются.

Кавальери: Вот так всегда, милая Констанца, когда мы, женщины, говорим дельные вещи, они потешаются.

Входят Моцарт и Солес, оба смеются.

Солес: Послушайте, господа, это просто уморительно...

Моцарт: У меня был случай в Италии: некий человек наслушался рассказов обо мне и решил, что любит мою музыку и всем говорил об этом. Нас познакомили. «Синьор кавалер-музыкант Вольфганго Амедео Моцарто!», – воскликнул этот господин. Признаться, такое изысканное обращение меня удивило. Я решил подыграть: Вас неправильно информировали, – сыграв изумление, ответил я, – потому как имя моё: Иоганнес Хризостомус Вольфгангус Амедеус Сигизмундус Моцарти. *(Все смеются)* Он принял шутку за чистую монету.

Сальери: Позвольте поздравить, господин Моцарт, дуэт был великолепен: госпожа Стринадакки чрезвычайно удивлялась Вашему импровизаторскому таланту. Я взял на себя смелость утверждать, что такой прекрасный музыкант, каким Вы являетесь, не может не быть и замечательным импровизатором.

Моцарт: Вы ошиблись, маэстро, потому как это не была импровизация.

Стринадакки: Но как же, господин Моцарт, у Вас не было записи Вашей партии...

Моцарт: *(весело)* Мне не нужны никакие записи, все ноты умещаются у меня здесь. *(показывает на голову)* Тот вариант, что был подготовлен, уступал новому, а времени записать его не было.

Сальери: У Вас сильная память.

Моцарт: Она гораздо сильнее желудка. Как Вам понравилось выступление, барон?

Ван Свитен: Я Ваш поклонник!

Сальери: Господа, а Вы знаете, что император капитулировал перед требованием оперных патриотов? Господину Розенбергу дано указание организовать зингшпиль. Теперь осталось найти композитора.

Мартин: Я уверен, что ни один композитор не станет этого делать.

Моцарт: Отчего Вы так уверены, господин Мартин?

Мартин: Никто из серьёзных композиторов не станет за-

ниматься свинством!

Моцарт: Заниматься свинством? Где же Вы увидели свинство в национальной опере?

Мартин: Любой, кто разбирается в музыке, знает: не может быть никакой национальной оперы! Оперой может зваться лишь произведение, написанное на итальянском языке.

Моцарт: Скажу Вам, что почёл бы за честь сочинить оперу на родном языке, а свинство нахожу в том, чтобы писать пустую музыку, не трогающую чувств, и прикрывать эту пустоту фальшивым блеском музыкальных завитушек. Как скоро Вы считаете себя композитором, то должны понимать: в опере главное музыка! Неважно, каким языком написаны диалоги...

Мартин: Позвольте не согласиться! Ещё маэстро Глюк утверждал...

Моцарт: Мне не требуется чужого ума, чтобы понимать вещи очевидные, которые Вы понимать не желаете. Что ж, не могу запретить Вам оставаться невеждой.

Мартин: Для меня очевидно Ваше воспитание, сударь! Говорят, господин Гайдн большой оригинал, только, я вижу – Вы оригинал куда больший. Прошу извинить, господа. (*Уходит*)

Моцарт: Гайдн, Гайдн... что Вам до Гайдна, господин Мартин?

Ван Свитен: До Вашего появления, мы обсуждали послед-

ний квартет Гайдна, и господин Мартин указал на его композиционные просчёты.

Моцарт: Этот скучнейший господин напоминает лисицу из истории о лисе в винограднике, да на его беду виноград превосходит.

Сальери: Возможно, господин Мартин несколько прямолинеен в своих суждениях, но, право, господин Гайдн весьма вольно относится к музыкальным традициям и правилам, а что касается его последнего квартета, то откровенно могу сказать, что я бы так не сделал.

Моцарт: Я тоже, но знаете почему? Нам это не под силу!

Солес: Господа, господа! Предлагаю вернуться в залу. *(Шутливо)* Как бы нас не приняли за заговорщиков.

Стринадакки: Господин Моцарт, пойдёмте; я думаю, многим хотелось бы поговорить с Вами. Мы с госпожой Вебер составим компанию.

Констанца: Правда, пойдём, Вольфганг. *(Уходят)*

Сальери: Замечательный вечер, господин Солес! Но позвольте покинуть Вас.

Солес: Ещё так рано!

Сальери: Утром нужно рекомендовать императору композитора, которому закажут зингшпиль.

Ван Свитен: Уже есть кандидат?

Сальери: Поэтому я должен откланяется, чтобы успеть обдумать этот вопрос.

Солес: Очень жаль, маэстро.

Сальери делает вид, что и ему жаль, но не в его власти это изменить. Сальери и Кавальери уходят.

Ван Свитен: Помяните моё слово, зингшпиль закажут Моцарту.

Солес: Император останется доволен.

Ван Свитен: Императору не нравится, что его принуждают к постановке.

Солес: Думаете, Сальери понимая это, будет рекомендовать Моцарта?

Ван Свитен: После разговора, которому мы были свидетелями, я уверен в этом.

Солес: Может, сказать ему?

Ван Свитен: Зачем? Ведь, господин Моцарт желает сочинить подобную оперу.

Солес: Ох, и к чему была эта ссора? Только бы остальные гости ничего не заметили.

Уходят.

Середина августа 1782 года. Новая квартира Моцартов. Моцарт с отцом сидят за столом, Констанца устраивает чай. Леопольд наблюдает за хлопотами Констанцы, Моцарт наблюдает за отцом. Наконец, Констанца выходит.

Моцарт: *(наливает чай отцу и себе)* Отчего Вы не спешите поздравить меня? Наконец-то я обзавёлся собственным углом и семейством. Жаль, что Вас не было на нашем венчании. Было столько народу... все радовались, все поздравляли нас...

Леопольд молча пьёт чай. Моцарт продолжает, но уже не так радостно.

Отчего Вы ничего не говорите о моей опере? В Зальцбурге не слышно о ней?!

Леопольд: Все восторженно говорят о музыке, однако, во дворце епископа возмущены простонародным языком.

Моцарт: Для меня это не новость... Наши аристократы-италоманы, сделавшиеся таковыми, чтобы не оставить в одиночестве нашего монарха, да приبلудные итальянские сочинители, пугающиеся остаться не у дел, также находят зингшпиль варварством, вредящим настоящей музыке. Кстати, именно их музыка вызывает у меня неподдельное сомнение!

Леопольд: У Вас нет права судить этих людей.

Моцарт: Нет права судить? Но, позвольте узнать, какими тогда правами обеспечили нас? Работать всю жизнь, не покладая рук и умереть в нищете, это Вы называете правами?

Леопольд: Разве ты не понимаешь, что губишь свою музыкальную карьеру?

Моцарт: Музыкальная карьера делается не угождением низким вкусам и желаниям, а кропотливым трудом и прекрасной музыкой. Вот послушайте (*открывает газету и читает*): «Похищение из сераля» заложило основы национального оперного искусства. Рядом со всеми зингшпилями опера Моцарта подобна великолепному дворцу, возвышающемуся над скромными хижинами...» (*Отыскивает в другой газете*) «Все усилия замкнуться в узких рамках несложного и ограниченного были развеяны в прах, как только выступил Моцарт...» А стараниями наших италоманов, против оперы строится всё больше и больше козней!

Леопольд: Зрители привыкли к итальянской опере, твоя музыка сложна для них...

Моцарт: Зрители хотят отличной музыки, и она есть в опере! Как тогда объяснить переполненный в жару театр на 2, 3, 4 представлениях? Люди помешались на опере, а нашим итальянцам это не по вкусу. Конечно, что-то может произойти, если мы начнем по-немецки думать, по-немецки действовать, по-немецки говорить и даже по-немецки петь.

Леопольд: Жизнь – это не музыка, а нечто более серьёз-

ное! А ты невоздержан на слова, как, впрочем, и на поступки.

Моцарт: Я не могу отделить жизнь свою от музыки. Целыми днями напролёт я торчу в ней, не имея ни возможности, ни желания избавиться от этой ноши. Музыка... постоянно одна музыка! Голова, руки мои настолько полны ею, что и сам я скоро превращусь в музыку. А то, на что Вы намекаете, я совершил обдуманно, заботясь, как человек порядочный, о репутации девушки.

Леопольд: Ты – сама простота! Эта хитрющая старуха Вебер поймала тебя! Ты ещё не понял это семейство? Припомни, как с тобою обошлась старшая сестрица...

В дверь стучатся. Леопольд замолкает. Входит Констанца.

Констанца: *(взволнованно)* Прошу прощения, Вам, быть может, что-нибудь нужно?

Моцарт: Нет, спасибо, Станци.

Констанца: *(уходит, у двери поворачивается)* Это неправда, неправда!

Уходит. Оба молчат.

Моцарт: Для меня невозможно жениться из выгоды. Это знатные люди обязаны жениться по расчёту, преследуя всевозможные цели. А мы, простые люди, не только можем, но и обязаны жениться на любимой и любящей женщине...

Леопольд: Я всегда заботился о Вашем благе, жертвуя, чем только мог. Как отец, я исполнил свой долг, ясно и внятно

растолковав Вам печальные последствия Ваших легкомысленных, необдуманых поступков, но Вы предпочли оставить советы мои без внимания, не желая уступить в моих желаниях и просьбах. Вам известны мои трудные обстоятельства, мои унижения в Зальцбурге, но Вы, поведением своим, принесли меня в жертву, как в моральном, так и в физическом отношении, и мне остаётся отступить от Вас и предоставить полную свободу действий, какую Вы желали иметь. Ответственность за последствия этих ребяческих поступков я не хочу делить с Вами. Если Вы считаете, что поступили правильно и разумно, то пускай Господь поможет Вам. Я же, отныне, оставляю Вас в совершенном покое. Позвольте откланяться и заметить, что Вы сами того желали.

Леопольд берёт шляпу, трость и уходит. Моцарт сидит молча. После ухода отца, он наклоняется вперёд, опускает голову на руки. Немного погодя входит Констанца.

Констанца: *(стоит позади Моцарта, очень тихо)* Вольфи... Вольфи... Он ушёл.

1785 год. После концерта Моцарта. В комнате Леопольд Моцарт и Иозеф Гайдн.

Гайдн: Благодарю судьбу за то, что имею возможность свести знакомство с Вами и Вольфгангом.

Леопольд: Вы чрезвычайно любезны, господин Гайдн, и чересчур щедры на похвалы.

Гайдн: Менее всего я хотел льстить, но говорю, как честный человек: сын Ваш – величайший композитор из всех, каких я знаю лично и по имени. Он много рассказывал о том, как Вы воспитали из него композитора и музыканта, и я не могу не восхищаться Вашим талантом музыкального наставника.

Леопольд: Весьма благодарен, господин Гайдн за подобные слова, но в последнее время я перестаю понимать Вольфганга. Он не желает усвоить науку жизни.

Гайдн: Отчего Вы так думаете?

Леопольд: Человек, обладающий добрым сердцем, привыкает держать себя свободно и откровенно, а это неправильно. Именно доброе сердце повинно в том, что стоит оказаться возле Вольфганга человеку, который восхваляет его, как он одаряет этого человека полным доверием и любовью, а ведь в детстве он плакал, если его слишком хвалили. И потом, эта жизнь модного музыканта, одновременно с напряжённым,

ежедневным трудом способна сломить и более сильный организм. Я постоянно твержу об этом, но он не желает меня слушать.

Гайдн: Так повелось: дети, взрослея, считают себя семи пядей и пускают мимо ушей родительские советы. Это болезнь нашего распущенного века...

Леопольд: После того, как Вольфганг оставил службу в Зальцбурге и лишился верного куска хлеба, меня не оставляют дурные предчувствия. Вы не хуже меня знаете, сколько имён угасло, и было забыто от того, что музыка их перестала забавлять публику. Я беспокоюсь, как бы Вольфганга не постигла подобная участь. Ведь он ни в чём не смыслит, кроме как в музыке, и ничему, кроме музыки, не обучен и не способен.

Гайдн: Ваш сын – смелый человек! Мы, придворные музыканты, для наших хозяев – те же лакеи. Печально постоянно быть рабом!

Леопольд: Вот что скажу я Вам, господин Гайдн, положи руку на сердце: недоброе чувство тревожит меня...

Входит Моцарт, с ним несколько человек, все веселы.

Моцарт: Оставьте Ваши тревоги, папа, разве можно думать о чём-то печальном в такой чудный вечер?! Как Вам концерт, господин Гайдн?

Гайдн: Музыка была превосходна!

Ван Свитен: Господин Моцарт, не могли бы Вы оказать мне любезность, разрешив организовать следующую Вашу

подписную академию в моём доме?

Моцарт: Разумеется, барон, Вы можете располагать мною. Позвольте, господа, представить Вам моего друга и чудесного композитора Иозефа Гайдна.

Гайдн раскланивается.

Розенберг: Очень рад, господин Гайдн. Здесь, в Вене о Вас слышаны и о музыке Вашей ходят легенды.

Гайдн: Любопытно...

Розенберг: Говорят, Вы дописали финальную часть симфонии со свечами, как бы намекая Эстергази, что пора отпустить музыкантов к семьям и князь понял Ваш намёк.

Гайдн: Вот Вы чём!

Ван Свитен: Право, эта история поучительна, ибо настоящая музыка не может не тронуть чувствительную душу. Позвольте выразить, господин Гайдн, моё восхищение.

Гайдн: Благодарю Вас.

Розенберг: Господа, Вы, верно, слышаны о неуспехе оперы Сальери? Господин первый придворный капельмейстер обвинил в неудаче либреттиста и поклялся, что скорее отрежет пальцы, нежели положит на музыку хоть строчку стихов Да Понте. Хотелось бы знать, кто захочет заказать ему либретто?

Моцарт: Хороший поэт в наше время такая же диковинка, как и сносный композитор.

Леопольд: Господа, подобные разговоры на голодный желудок вредны и неудобоваримы.

Розенберг: Пожалуй, Вы правы.

Все уходят. Остаются Моцарт с отцом.

Моцарт: Как Вы находите вечер?

Леопольд: Я в восторге от Вашей музыки и в ужасе от Ваших речей.

Моцарт: Что же в них ужасного?

Леопольд: Прежде я думал, что Вы имеете лишь один талант – талант к музыке, но теперь я вижу, что ошибался. У Вас есть другой, не менее сильный талант – делать себе недругов. Отчего Вы не научитесь держать язык за зубами? Хотите знать, какой будет Ваша дальнейшая жизнь, если Вы не одумаетесь: Вы лишитесь друзей и покровителей, одни лишения будут окружать Вас. Следствием этого станет нищета, а затем – ужасная смерть!

Моцарт: Ужасная смерть?.. Но ведь смерть – не конец нашей жизни, и образ её вовсе не страшит меня! Я стараюсь быть правдивым и не могу говорить то, чего я не думаю. Я не могу лицемерить, разве это порицается нынче?

Леопольд: Вы, сударь, не более, чем плохой актёр из дрянной пьесы. Прощайте! (*Уходит*)

Моцарт садится и долго смотрит в одну точку. Входит Гайдн.

Гайдн: Куда же Вы пропали? Что стряслось?

Моцарт: (*как бы пробуждаясь*) Это всё пустяки, а признайтесь: та история о Вашей симфонии – сплошь выдумка. Она слишком красива, чтобы быть правдой.

Гайдн: От Вашего взгляда ничто не может укрыться!

Моцарт: Я хорошо знаю наших господ, и ни за что не поверю, что музыкой можно переделать их! Однако, идёмте, чтобы не прослыть невежами. (*Уходят*)

Дома у Моцарта. Моцарт и Да Понте.

Да Понте: Предприятие не безопасно!

Моцарт: Да полно, безопасней можно лишь подняться по моей лестнице.

Да Понте: О, тут я с Вами не соглашусь – на этой сотне крутых ступеней того и глядишь свернёшь голову.

Моцарт: Не выдумывайте, там их всего 23.

Да Понте: А мне показалось, что никак не меньше полу-сотни.

Моцарт: Так что скажете?

Да Понте: Но пьеса запрещена к постановке в Вене!

Моцарт: Да причём тут пьеса?! Мы выбросим политические намёки, оставим лишь любовный сюжет. Это будет забавная *opera-buffa*...

Да Понте: Из сюжета не выбросишь того, что слуга постоянно оставляет хозяина в дураках. Моцарт: Да, выбросить это нельзя... но, если подать как шутку, смягчить музыкой... Я уже сочинил кое-что, послушайте. (*Играет*)

Да Понте: Замечательно, чудесно, но всё же...

Моцарт: Я давно задумал написать оперу, какой никто не писал прежде. Так вот, с Вами или без, я буду писать «Свадьбу Фигаро», но скажу откровенно: лучше с Вами, потому как считаю Вас неплохим поэтом, и Вы можете уговорить

императора разрешить постановку. После сплетен, что выпускает Сальери, нужно показать, кто чего стоит.

Да Понте: *(задумавшись)* Хорошо, я возьмусь... Думаю, к концу недели смогу представить императору первый акт, а Вам нужно сочинить ещё несколько арий.

Моцарт: В любое нужное время – почти вся партитура оперы у меня в памяти.

Да Понте: Это невозможно!

Моцарт: Мой милый Да Понте, для людей мало сведущих в музыке, доказательством её существования служат инструменты и звуки, которые те издают, для подготовленного музыканта музыка не обязательно должна звучать – он может наслаждаться ею, читая лишь нотную запись, но лишь для немногих прекрасных музыкантов доказательством существования музыки являются они сами: та музыка, которая рождается в них не может пропасть, потому как она и есть суть этих людей. *(Немного помолчав, точно раздумывая, нужно ли это говорить)* Иногда мне кажется, что я и есть музыка...

Да Понте не может вымолвить ни слова.

Моцарт: Чтобы доказать, что я не болтал пустого, к утру пришлю несколько арий.

Да Понте: Но, когда Вы станете спать?

Моцарт: Раз это нужно, значит я сделаю. *(задумывается)* Я более опасаясь не того, что император не позволит постановку, другое заботит меня...

Да Понте: Что же?

Моцарт: Интриги.

Да Понте: Разве у Вас есть враги? Ведь Вы, кажется, не занимаетесь ничем, кроме музыки.

Моцарт: Вот именно, вот именно... придворные музыканты пугаются, как бы я не лишил их куска хлеба.

Да Понте: Когда мы добьемся разрешения на постановку, эти музыканты поутихнут!

Моцарт: Думать об этом скучно – будем думать об опере.

Да Понте: Вы удивительный человек!

Моцарт вдруг обнимает Да Понте.

Моцарт: Вам, верно, пора домой.

Да Понте: Да-да. Прощайте.

Да Понте выходит, Моцарт, с зажжёнными свечами провожает его. Через некоторое время он возвращается, ставит свечи, ходит по комнате, затем берёт бокал с вином и садится в кресло. Его руки и голова движутся в такт звучащей в нём музыки. Затемнение. В темноте музыка начинает звучать в полную силу.

Осень 1786 г. Квартира Моцарта. Сальери и Констанца.

Сальери: Неужели дела обстоят так плохо?

Констанца: Очень плохо, господин Сальери. После того, как сняли оперу Вольфганга, у нас совсем нет денег.

Сальери: А как же академии? Насколько я знаю, концерты Моцарта пользуются популярностью.

Констанца: Так и было, только когда сняли оперу, повсюду разошёлся слух, будто император за что-то недоволен Вольфи, и число господ, желающих участвовать в подписке, сильно уменьшилось. Теперь, если и удаются концерты, большая часть денег уходит на покрытие долгов, а они всё растут – мы такие непрактичные люди.

Сальери: Чем же занимается Моцарт?

Констанца: О, господин Сальери, он работает не покладая рук.

Сальери: Что же он пишет, оперу?

Констанца: Вольфи говорит, что ему вряд ли закажут новую оперу...

Сальери: Могу я взглянуть?

Констанца: Он не любит, когда роются в его бумагах, господин Сальери.

Сальери: А Вы принесите записи. Я только взгляну и сразу отдам. Ведь я – друг Вашему мужу, и потом, кто может по

достоинству оценить труд композитора, как не его коллега?

Констанца: Ну, хорошо, только Вы ничего не говорите Вольфи, а то он станет сердиться.

Констанца входит в кабинет и почти сразу выходит. В руках у неё несколько листков, которые она передаёт Сальери.

Сальери: Невероятно... Это совершенно против всех правил, так не пишут музыку! *(Смотрит дальше)* Однако, какое смелое решение.

Слышен шум входной двери.

Констанца *(шепотом)*: Это Вольфи... *(быстро относит записи и возвращается. Появляется Моцарт)* У нас гости...

Моцарт: А, синьор Сальери, извините, что заставил ждать.

Констанца: Не правда ли, господин Сальери так любезен, что посетил нас?

Моцарт: После того, как сняли мою оперу, друзья-музыканты перестали бывать у нас.

Сальери: В самом деле?

Моцарт: Государя нашего озаботила пущенная сплетня, что «Фигаро» – политическая опера. Что за вздор прислушиваться к чужим мнениям!

Сальери: Мы не можем судить императора, хотя бы нам и казалось, что решения его не вполне справедливы! У него столько забот...

Моцарт: Конечно, синьор Сальери! Однако, вот что любопытно: заботы не мешают императору снять оперу, но эти

заботы не позволяют ему видеть, что даже после того, как оперы нет в репертуаре, вся Вена распевает арии из «Фигаро».

Три четверти часа назад я зашёл в трактир, чтобы выпить немного вина. Там старик-скрипач наигрывал арию «мальчик резвый, кудрявый»... Играл он скверно, но посетители – обыкновенные, простые люди – вдруг запели. Никто из них, конечно, не знал слов, они пели мотив... Тут император ничего не может поделать!

Сальери: Прошу меня извинить, мне пора! Благодарю Вас, Констанца.

Моцарт: До свидания, синьор Сальери.

Констанца: Позвольте, я провожу Вас.

Уходят. Моцарт ходит по комнате, потом садится в кресло и задумывается. Входит Констанца. Моцарт улыбается ей.

Констанца: Отчего ты так говорил с господином Сальери? Ведь вы, кажется, друзья.

Моцарт: С чего ты взяла?

Констанца: Господин Сальери сам об этом сказал.

Моцарт: Называла лисица петушка дружком, да и слопала беднягу. Все эти господа итальянцы в глаза чрезвычайно милы... Знаем мы их! Интересно, что ему было нужно?

Констанца: Господин Сальери расспросил о нашем положении и огорчился, когда узнал о наших несчастьях.

Моцарт: Скользящая змея! Уверен: история с «Фигаро» не

обошлась без Сальери.

Констанца: Зачем ему это нужно, Вольфи?

Моцарт: Страх, обыкновенный человеческий страх!

Констанца: Чего бы ему пугаться, ведь он имеет всё?

Моцарт: Господин Сальери никогда не имел выдающегося музыкального таланта! Он не может привнести ничего нового в музыку и всегда будет последователем; но, синьор Сальери опытный музыкант, и должен понимать, что «Фигаро» – это опера, где прививается новая традиция, и, если традиция эта приживётся, вся старая глюковская опера, а стало быть, и музыка господина Сальери развеется по ветру. Тогда не будет ни денег, ни славы, ни почёта! Вот почему я опасаюсь, когда он записывает меня в друзья.

Констанца: Я ничего в этом не понимаю... Ты не станешь сердиться, если я тебе скажу?

Моцарт: Разве я могу сердиться на свою маленькую птичку?

Констанца: Твоя опера кажется длинной, слишком умной и скучной. Помнишь, мы слушали оперу «Редкая вещь» – вот там музыка понятная и совсем-совсем простая. Она всем нравится! Напиши такую же оперу, и у нас опять будут деньги.

Моцарт: Под эту музыку хорошо жевать мясо, но ей нельзя наслаждаться.

Констанца: Я глупая, да?

Моцарт: Давай обедать.

Констанца: Тебе придётся подождать...

Моцарт: Я пока поработаю.

Констанца выходит. Моцарт приносит из кабинета записи, просматривает их, что-то напевает, что-то наигрывает на клавесине, иногда делает пометки в записях. Вдруг он вскрикивает и хватается руками за голову. В дверях появляется Констанца.

Констанца: Что случилось?

Моцарт: Эта музыка... иногда она делает больно. Всё уже прошло!

Констанца: Ты совсем не бережёшь себя. Приляг, отдохни немного.

Моцарт: Я не хочу отдыхать! Работать для меня менее утомительно, чем бездельничать.

Констанца: Что с нами будет, Вольфи, что будет с нашими мальчиками?

Моцарт: Всё образуется, поверь мне, всё будет хорошо! Вот послушай.

Констанца садится. Моцарт играет ей.

1787 г. Кабинет в доме Да Понте. Моцарт и Да Понте.

Да Понте: Так ли замечательна Прага, как о ней говорят?

Правда, что там тьма красоток?

Моцарт: Из Вашего любопытства я могу сделать вывод:

Вы сейчас в работе.

Да Понте: Сальери и Мартин заказали либретто.

Моцарт: Вы становитесь знаменитым, Да Понте. Что же увлекло маэстро Сальери?

Да Понте: «Таргар» Бомарше.

Моцарт: О-о-о, первый капельмейстер Его Величества пишет оперу по пьесе Бомарше? Он не пугается, что император запретит оперу?

Да Понте: Расскажите о Праге. Я заработался... любая новость для меня, как час отдыха.

Моцарт: Ах, Да Понте, после удушливой Вены, Прага – точно глоток чистейшего воздуха! Люди там иные: все улыбались, были радушны, чрезвычайно любезны. Но что более всего радовало – это любовь к моей музыке. Эти люди с удовольствием плясали на балах под музыку «Фигаро», переделанную в контрдансы и немецкие танцы: ничего, кроме «Фигаро» не играют, не поют, не насвистывают... Опера наша пользуется там настоящим успехом!

Да Понте: Это прекрасно!

Моцарт: Это великолепно, но это не всё! Мне заказали оперу, причём я волен выбирать сюжет. Опера на вкус автора!

Да Понте: Я Вас поздравляю.

Моцарт: Нас, Лоренцо, нас! Я намерен именно Вам заказать либретто.

Да Понте: Но я очень занят...

Моцарт: Перестаньте притворяться, Лоренцо! Чего Вы пугаетесь? Опера пойдёт в Праге – мы никому не перейдём дороги, к тому же, в сюжете не будет ничего предосудительного, даже с придворной точки зрения. вспомните, как прекрасно поработали мы над «Фигаро», и Вы отлично знаете: в том, что оперу сняли – нет нашей вины. Теперь же, определённо будет успех, поверьте мне! Вся Прага ждёт, и мы будем глупцами, если не сумеем использовать столь благоприятные обстоятельства.

Да Понте: И какой будет сюжет?

Моцарт: Меня занимает история Дон Жуана...

Да Понте: Дон Жуан? Что же интересуется Вас: наказание или исправление распутника?

Моцарт: Помилуй бог! Не желаю выступать моралистом. Я хочу написать весёлую драму...

Да Понте: Я ничего не знаю о подобном жанре.

Моцарт: Это неудивительно, ведь его нет! Мы будем первыми, кто напишет такую оперу.

Да Понте с изумлением смотрит на Моцарта.

Моцарт: Мораль оставим второсортным авторам, мастерам балаганные представления.

Да Понте: Чего же Вам нужно?

Моцарт: Острые ситуации, яркие образы, столкновения характеров и контрасты, контрасты... Понимаете, Да Понте?

Да Понте: Не вполне.

Моцарт: Не нужно обличать порок или утверждать превосходство нравственности, конфликт будет иного рода: радости жизни, её веселью противопоставляется отнятие самой жизни, уничтожение её, смерть. Дон Жуан ощутил полноту жизни, но ему этого мало: он начинает играть со смертью, зовет её, притягивает, подобно магниту. Это персонаж искромётный, весёлый, его не волнует общественная мораль, он наслаждается жизнью. Но за всё нужно платить, даже за радость жизни, и плата эта – смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.